Кероп Магакян

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДАВАЙТЕ ВСПОМНИМ ФАЗИЛЯ

Давайте вспомним Фазиля,
И изабеллу выпьем стоя!
Многоголосое застолье
Чегемской шуткой веселя.

Быть может, и Фазиль шутя,
Надежды знак даруя свыше,
Заверит, что и ТАМ Он пишет,
Цыгаркой крепкою пыхтя...

...

Я помню дом с обшарпанным двором,
На перекрёстке «Ленина» с «Лакоба»,
Там прокурор соседствовал с вором,
И у жильцов в почёте были оба..
Здесь иногда блаженничал «ЧУМА»*,
Волнуя кошек звуками гитары,
Избыток чувств при шаткости ума
Заканчивался сбором стеклотары.
Я помню услаждающий буфет,
На сквознячке веранды «Диоскурии»,
Ещё я вспоминаю, «как канфет»,
Бодрящий чай буфетчика Кукури...
Я помню, как курортницы в сабо,
Озвучивали пристань перед пляжем,
И помню глаз носильщика Габо,
Разгорячённый малым каботажем.
Я помню «Черноморца» суету,
Оправданную «Будваром» на складе,
И перемат, настоянный в спирту,
И безупречно поданный в «Прохладе».
А если здесь уместен эпилог,

Навеянный почтением к утратам,
То в памяти — азартный диалог,
Сухумского «Динамо» с «Араратом».

_____

* «Чума» — сухумский чудак.

...

Как постарели сухумчане!
Их на скамейке клонит в сон,
Зимой лодыжки греют в чане,
Весной не ходят без кальсон...
Уже в ребре не ищут беса,
Его изгнал радикулит,
Уже в окрестностях СОБЕСА
Внезапно сердце заболит.
Уже застолье всё реже
Их манит шуткой тамады,
Они вдыхают побережье
И выдыхают: «Эй, гиды...»*

_____

* «Эй, гиды...» — так некоторые старики-сухумчане выражают сожаление о безвозвратно ушедших временах.

ГОХТ*

Между Гегардом и Гарни**
Есть Гохт, задуманный горами,
Там только спичкой чиркани,
Уже бегут за шампурами.
Там нет костра без шашлыков
И без проворного соседа,
Там по традиции веков,
На углях зиждется беседа.
Там по дороге, вниз к реке,
Запахнет шерстью и тондыром
И захрустит лаваш в руке,
В обнимку с деревенским сыром.
Потом туда, где храм в скале,
Уже беспечный и беспутный,

Умчишься с первою попутной,
Сразив тутовку на столе.
А ночью хмель переборов,
Как неудобную подушку,
Ответишь другу: «Жив, здоров...»,
И засыпаешь по кукушку.

_____

* «Гохт» — село в Армении

** «Гегард и Гарни» — монастырь и храм в Армении с одноимёнными поселениями

АРТВИНСКАЯ КРОВАТЬ

Стоит артвинская кровать,
В углу артвинского сарая,
Заброшенная и сырая,
Грустит артвинская кровать.
Уже пружины не скрипят
Под сном артвинцев и артвинок,
И набалдашники от спинок,
Тоскливо в стороны глядят.
Они давно к себе зовут
Оберегающие руки,
И в них по-прежнему живут,
Зурны серебряные звуки.
Далёкий голос сазандара*,
Напомнит доброго отца,
И мать, несущую с базара,
Как груз — испарины лица.
Журчит артвинский разговор,
Многоголосое наречье!
Бурлит Чорох, со склона гор
Спускаются стада овечьи.
Поёт пастушья свирель,
И песня первой колыбели,
Доносит бархатную трель,
До сна младенческой постели.

_____

* «Сазандар» — народный музыкант.

...

У мамалыжного котла,
Уснула старая абхазка,
Висела рядом перца связка,
Над тёмным деревом стола.
Она уснула на века,
Очаг собою согревая,
И жизнь ему передавая,
Тянулась к пламени рука.

...

Седые головы абхазских стариков,
С понуростью разбитого отряда,
Склонились у печального обряда
И выжимали горе из платков.
Седые головы абхазских стариков,
Уткнули в землю посохи и мысли,
И мудрыми морщинами повисли
На лицах их — извилины веков.

...

И закончится дождь,
и начнётся сначала...
И умоет прибой
полусонный рассвет
И раскурят друзья
разговор у причала,
Разведённый ленивым
дымком сигарет.
И безбрежной мечтой,
пробирающей душу,
Затоскует вдали
голубой горизонт,
Отмолчится душа
на кофейную гущу,
И покорно шагнёт
под сыреющий зонт.

УТРО СУХУМА

Залатанные плечи телогрейки
Обвили голуби признательным кольцом:
Крошил им хлеб у парковой скамейки
Седой старик с проклёванным лицом.
Чудной моряк в поношенной тельняшке,
Упрямо шёл, как флагман — впереди,
Рвала гитара струны нараспашку,
И стая чаек маялась в груди.
За ним брели крикливые цыганки,
Сбывая незатейливый товар,
И табачок дымился спозаранку,
В кофейне, где шаманил кофевар.
Уже костром потягивало с «Наарты»,
Уже тянулись к морю старики,
И доставая старенькие карты,
Вставляли сигареты в мундштуки.
Уже «ду-шаш», на утренней пробежке,
Под кипарисом ввязывался в бой,
И разминались шахматные пешки,
И море просыпалось под прибой...

...

В краю, где море с чайками на «ты»,
Где пристани пропахли рыбаками,
Где кофевар шаманит у плиты,
И кипарисы спорят с облаками,
Где осень разбавляется мачаром,
А лето липнет стаями медуз,
Где лавролист, густясь над тротуаром
Даёт себя попробовать на вкус...
Где утомлённый, с горною рекой,
Как со строкой искал уединения —
Душе моей откликнется покой,
И сердцу отзовётся утешение.

...

Смакует осень тротуары,
Истомой улицы рядя,
По лужам старого бульвара,
Играет музыка дождя.
Играет ровно, без заминки,
Без дирижёра, и без слов..
И как промокшие фламинго,
В кофейне зонтики столов.

...

Как хочется слоняясь в жаркий день,
Довериться назойливому лету;
Задуматься на собственную тень,
Спросить в киоске свежую газету...
Как хочется мечтательный табак
Курить на табуретке кофевара,
И в окруженьи уличных собак
Взирать на декорацию бульвара.
Здесь помнятся былые времена,
Когда столы под скрипку накрывали,
Здесь призраками бродят имена,
Которые уже позабывали...

Здесь никогда не действовал указ,
Препятствующий делу винодела,
Здесь «летний» был задействован «Кавказ»*,
И «зимний» не простаивал без дела.

Здесь возвышался голос тамады,
Над всеми голосами ресторана,
И музыка, звуча на все лады,
Не соль, а сахар сыпала на раны...

Здесь вечером считали свой доход,
Заезжие и наши музыканты,
И швартовался белый пароход,
Пыхтя трубой с краснополосым кантом.

И все дороги к берегу вели,
И эвкалиптом веяла прохлада,
И горизонт оранжевый вдали,
Не отводил восторженного взгляда.

_____

* «Летний» и «зимний» «Кавказ» — ресторанчики в окрестностях набережной.

...

Поддавшись всем соблазнам марта,
Унизив мысли до строки,
Хочу на улицах Монмартра,
Просить француженки руки.
Хочу в гареме Эль-Хубара,
Подмять подушки под бока,
Хочу в Мадриде, выйдя с бара,
Сразить свирепого быка.
Хочу на Кубе крикнуть: «ВИВА!»
И дым сигар посмаковать,
А в самом центре Тель-Авива,
Хочу «немножко торговать...»
Хочу остаться на Карибах
Без GPS и без газет,
И наловить заморских рыбок,
И на туристок поглазеть.
Наедине остаться с ленью
Хочу в Сибири на печи,
И чтоб «по щучьему веленью»,
Мне подносили бы харчи.
Хочу столкнуться при оказии,
С Тибетской ясностью ума,
А опьянеть хочу в Абхазии,
Когда там царствует хурма!

...

По столикам кофейни
Стучит зелёными глазами босоногий цыганёнок;
Набрасывает обручи из дыма
На талии смеющихся курортниц —
Сезонных нарушительниц покоя.
Опять пошёл к воде седой ворчун,
Зажав в ладони тёплое пшено:
Нагнулся у солённой пены — кормит море.
Пронзительный сигнал
Поднял фотографа, дремавшего на стуле,
И на невесту брошью села «птичка» —
Незваный персонаж спектакля у фонтана,
И первое пятно на подвенечном платье...
Не опуская занавес,
Оставим всё как есть, на этой сцене...

...

Безропотна заснеженная тишь:
Лишь падают обветренные хлопья,
И старый город, словно исподлобья,
Нахмурясь, смотрит из-под белых крыш.,
На тёмном и безлюдном берегу
Опустошённы стали расстояния,
И даже след, оставленный в снегу
Не подтвердит своё существование.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АВГУСТ

Сушили панцири улитки
В просторе летнего двора,
На зов распахнутой калитки
К нам выбегала детвора.
Здесь принимали, как своих,
И мы, вселяясь деловито,
Своё «разбитое корыто»,
Опять латали — на двоих.
И море, не жалея соли,

Смывало с нас незримый груз,
И стебли жарких кукуруз
Ловили воздух в знойном поле.

ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ ДВОР

В печурке домика Ткварчели,
Топили детские качели,
Но холод плачем рвался из пелёнок.

Голодный пёс терзал луну,
Но лишь обгладывал слюну,
И плакал, как некормленый ребёнок.

А во дворе стоял старик,
В гортани сдерживая крик,
И подпирал свой дом студёным взором.

И за верандой — в стороне,
Лоза, мечтая о вине,
Печалилась, повиснув над забором.

ПАРК СЛАВЫ

Здесь стали в строй и имена и даты,
И здесь в одном ряду боец с бойцом,
Вот так же и к победе шли солдаты:
Плечом к плечу и с праведным лицом.
И не награды, почести и слава,
Их подвигали на последний штурм,
А гордость гор, и моря вольный шторм,
И соколиный профиль ВЛАДИСЛАВА.

...

Он словно всматривался в море
И в гор *натруженных* венец —
Ещё с самим собою споря,
Как спорит истинный мудрец.
Но, завещание эпохе,
В прощальном свете фитиля,
Вручил на облегчённом вздохе,
И подписал: «*От Фазиля*».

СУХУМСКИЙ РЫНОК

На запах зелени нарядный,
Под блеск лиловых баклажан,
Проснулся рынок многорядный,
Расталкивая горожан.
Они и сами лезть готовы,
Туда, где царствует хурма,
Где громоздится ряд фруктовый,
Где взор гурманит бастурма.
Где строит глазки барабуля,
То замирая то дрожа,
У несговорчивой бабули,
На грозном лезвии ножа.
Где наряду со специй шиком,
Такой душистой остротой,
Острит абхазская аджика,
Со всей крестьянской прямотой.
Где местная копчёность сыра,
И аппетитный вид турши,
«Танцуют» всех курортниц мира,
В СТРАНЕ распахнутой ДУШИ.

ПОХВАЛА ПАХЛАВЕ

(или советы армянской хозяйке)

Там, где раскатывают тесто,
В прозрачный и воздушный слой,
Там у армян святое место:
Там пахнет тёплой пахлавой.
Надев видавший виды фартук,
Не экономь и не спеши,
А по рецепту из Урарту,
Орехи к мёду накроши.
Пускай и опыт и смекалка,
Тебе давно уже под стать,
Но лишь прабабушкина скалка,
Поможет тесто раскатать.
Намажешь слой топлённым маслом,
Берись за следующий слой,
Следи, чтоб печка не погасла,
Армянской думай головой!
И чтоб внизу не подгорело,
И чтоб сырою не подать,
Спечь пахлаву — святое дело!
А дело надо оправдать.
А если подведёт сноровка,
То подскажу тебе тайком:
Сноровку красит сервировка,
И чёрный кофе с коньяком.
И знай, что правильные гости,
С собой приносят похвалу,
И восхваляют пахлаву,
По нардам разметая кости!

...

А если летопись веков,
На твой вопрос не даст ответа —
Спроси у наших стариков,
Предрасположенных к совету.

Им многолетье нипочём:
Где каждый год трудами добыт,
Подставят твёрдое плечо,
Как тост, передадут свой опыт.

И приоткроют не тая,
Всё то, что в них укоренилось,
Они ВО ВРЕМЕНИ СТОЯТ,
И время их не накренилось.

Они давно не по часам
Сверяют правильное время,
А по закрученным усам,
Когда ногою входят в стремя.

ХАМСА

Как будто высохли все реки,
И погорели все леса —
Так сильно взволновались греки:
«В Сухуме кончилась хамса!».
«Всю рыбу выловили турки!
Ищите в сейнере товар» —
Помешивая кофе в турке,
Бурчал армянский кофевар.

У ЖИВОПИСЦА В МАСТЕРСКОЙ

Просторный холст, сырой и мрачный,
Томил зелённою тоской,
И дул сквозняк — жилец чердачный,
У живописца в мастерской.
И лишь глоток вина из фляги
Взбодрил все краски полотна:
Одним МАЗКОМ желанной влаги
Уравновешены тона!

...

И с размаху хлестнёт по щеке
заблудившийся ливень,
И в сырое лицо бросит ветер
своё полотенце,
И открытая дверь наиграет
струной виолончели,
И сломается тень о порог
опустевшего дома,
И падут со стены крылья птиц,
ожидавших когда-то...

МЫ ВЕРНЁМСЯ СЮДА

Мы вернёмся сюда, задыхаясь от горя,
Будет небо навзрыд, будет воздух распорот...
Упадёт нам на грудь безутешное море
И оплаканный чайками город.
Мы вернёмся сюда, к нашим скорбным домам,
У покинутых стен стиснем зубы и вены,
А молебные руки измученных мам
Будут греть отсыревшие стены.
Мы вернёмся сюда, и зажжённые свечи
Понесём, как сердца, на могилы ребят,
И ударит гроза и расправит нам плечи,
И умоет ореховый сад...

УЗУНДАРА*

Когда с армянского двора,
В дом жениха ведут невесту,
На всю армянскую фиесту
Во всю звучит «УЗУНДАРА».
Аккордеон раздув меха,
Их выдувает на аккорды,
Жених, торжественный и гордый —
Кларнет волнует жениха!
Вокруг невесты и тортов
«УЗУНДАРУ» танцуют дети
И те, кто к выданью готов,
В надежде, что и их приметят;
Что и для них придёт пора,
Туда, где гости встретят стоя,
Уйти с отцовского двора
Под белоснежною фатою.

_____

* Узундара — армянский женский танец.

БРОДЯГА

Облюбовав тенёк и лавочку,
Бродяга сел невдалеке,
Лицо и туфельки вразвалочку,
Авоська синяя в руке.
Сидит себе, как гость непрошенный,
Лишь неба веря куполам,
Своей страной когда-то брошенный,
Ломает хлеб напополам,
И опрокидывает «чарочку»,
Да что-то чарочка слаба...
А сигарет всего-то парочка,
И те помяты, как судьба.
Лишь рыжий кот к нему ласкается,
И помышляет о еде,
И старый пёс за ним таскается,
Признав собрата по беде.

СОНЕТ НА СОН

Пускай мой слог не заковырист,
Зато, он виден за версту —
Он выдан мне, как френч на вырост,
И я его перерасту!
Тогда и станет мне наградой,
Не пустозвонная медаль,
А дождь по листьям винограда,
И гром, раскинувшийся вдаль,
И сны, нагрянувшие вдруг,
Из громогласного ненастья,
И мама, громкая, как Счастье,
В кругу смеющихся подруг,
И я присяду в этот круг
У сновидения во власти.

АМРА

На перестроечных этапах,
Не задержавшихся в стране,
Удерживая кофе запах,
Держалась «Амра» в стороне.

Крепилась символом столицы
На риск и собственный свой страх,
Не изменяя нашим лицам
На переменчивых ветрах.

Какие шли тут разговоры!
Какая соль таилась в них!
Сюда на холст сходили горы,
Здесь восходил упрямый стих!
Шанава! Шенгелая! Тужба!
Папава! Гельбах! Котляров!
Их кофе крепок был, как дружба,
И «Амра» всем давала кров.

Теперь я сам, как часть столицы,
Креплюсь под кофе, в перекур...
Где — «Ба! Знакомые всё лица!»
Анзор, Леварса, ты, Даур!
Иных уж нет... Другие вроде
Перепоручены дворам...
И «Амра» отдана ветрам,
Как жупел в грязном огороде.

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Когда гитару брал он в руки,
И зажимал на ней струну,
Он под гитару, на поруки
Брал необъятную страну.
Одно лишь слово, словно плеть,
С размаху попадало в совесть,
В одну строку вмещалась повесть,
Тогда, когда давали петь.
Но только струны он разжал,
Его страна от рук отбилась:
Помаялась и развалилась,
Не дотянул, не удержал...
Так пусть, хоть в яблочном раю,
Хоть на краю, где жил он между...
Вещает птица Гамаюн,
И подаёт ему надежду.

ПЕСЕНКА ПРО СУХУМСКУЮ ПОХОДКУ

Когда спешишь на утреннюю сходку,
В «Брехаловку» шагая прямиком,
Держи всегда сухумскую походку,
Тогда и кофе будет с каймаком.

Тогда с тобой за столиком кофейни,
Будь ты поэт и даже прокурор,

И уркаган поботает по фене,
И депутат поддержит разговор.

Не важно, с кем беседу ты заводишь,
А важно, как в «Брехаловку» идёшь,
Походку покажи, когда подходишь,
Походу собрехаловца найдёшь.

А выпьешь с ним хоть сто, хоть триста граммов —
Ты на ногах! Ты крепок, как гранит!
Тебя охранней всех охранных грамот,
Сухумская походка сохранит.

Короче, если ты сухумский житель,
И не обходишь берег стороной,
Носи походку, как отцовский китель,
Придерживая руки за спиной...

А час придёт — на чашу пред Всевышним,
Ни званья, ни награды, ни стихи!
Походку покажи, не будет лишним,
Быть может и простит тебе грехи.

НОСТАЛЬГИЯ ПО-СУХУМСКИ

Где вкус того Рахат-Лукума,
Из «эсесеровских» времён?
Где дух тогдашнего Сухума?
Где шлейф от знаковых имён?

Где все носильщики вокзала,
И где вообще ЖД вокзал?
Где спекулянт у кинозала,
С двойным билетом в кинозал...

Где поливальные машины?
При ком метла? При чём узбек?
Где сильно пьющие мужчины?

Где вино-водочный забег?

Куда девались чангалисты?
Где ткани, что из-под полы?
Где Симонян? Где футболисты?
Где их красивые голы?

Где все курортницы в колоре?
Где субтропический кураж?
Где скрипки на фуникулёре?
Где пароход? Где экипаж?

Где часовщик, что на проспекте?
Где на прогулку катерок?
Где те евреи, что в респекте,
И чистой «Амры» ветерок...

«НЕСЕРЬЁЗНЫЕ СТИХИ»

СУБТРОПИЧЕСКИЙ РОМАН

Такой бландинка видел летом —
Бил неприступный, как скала.
Тогда я в новий штибилетом
Пошёл гулять Сухум-Кала.
Рука с блестящий партсигаром,
Фисташный брюки на заказ,
Фуражка летний от загаром,
Гуляю берег напоказ.
А вечер, вибритый с кампрессом,
У парикмахер Карапет,
Уже из женский интересом,
Сижу на тёплый парапет.
Держу кавказский свой фигура,
Рубашка — чистый из нейлон,
И этот неприступный дура,
Мине знакомится с паклон.
Свой жизни много повидался,
За слово тоже отвечал...

Такой заход не ожидался,
Два дня здоровье подкачал...
Немножко геморой имею,
Лекарство буду заварить,
По-русски тоже не умею,
С бландинка надо говорить...
Тогда беру ему на лодка,
На два рука держу весло,
Один бутылка выпил водка,
И песня пел про свой село.
Бил это песня два куплета,
Слова хороший тоже бил...
Но очень жаркий било лето —
Один куплет вообще забил.
Тогда веслА бросаю вольны,
Иду на «Танец тамада»,
Бландинка бил немножко польный,
Из лодка падал на вода.
Такой попался положенье,
Сейчас не буду рассказать,
Вообще, кавказский уваженье
Хотел бландинка оказать.
Когда бландинка намочился,
Стал неприступный, как скала.
Такой беда мине случился,
Когда я жил Сухум-Кала.

Часть вторая

Прошёл почти один неделя,
Бландинка снова повстречал:
Один к тебе имею дело —
Так разговор он свой начал...
Ты покатал меня на лодка,
Теперь мине не обижай,
Засол домашний есть селёдка,
Мой Мурманск тоже приезжай.
Возьми билет на тэбервали,
Закуска, выпивка найдём,
Поедем сразу к тётя Вали,

Сказал, что баня там пойдём.
Короче, так договорился...
Чурчхела, чача тоже взял,
Февраль у Карапет побрился
И сразу ехал на вокзал.
Для Мурманск покупал обновка,
Дорога надо туалет...
Закритый каждый остановка,
Зачем мине такой сто лет!
Опять попался положенье —
Сейчас не буду рассказать...
В обновка, новий уваженье
Хотел бландинка оказать.
Короче, кое-как доехаль,
Замёрз, как будто на Урал...
Когда вокзал уже приехаль,
Гармошка где-то заиграл.
Имел волнение немножко,
У проводник просил води,
Смотрю — бландинка на гармошка
Даёт мине алаверды...
Из поезд вышел, как картинка,
Бландинка — красный сапоги,
Танцую на перрон лезгинка,
Сказал, что сумка помоги...
От Мурманск ехали на лошадь,
Всё время надо бил овёс,
Бландинка не имел жилплощадь
И сразу к тётя Валя вёз.
Немножко чача випивали,
Дорога било веселО,
Потом уже у тётя Вали
Бландинка пел про свой село.
Потом я с веник шёл парилка,
Скакал сугроби на река,
Потом сосед принёс горилка,
(Наколка — якорь на рука).
На русский печка грелся кошка,
Бландинка мутный стал глаза,

А я зима смотрел окошко
И вспоминал родной лоза...
Её закручены узоры,
Как бакенбарды Карапет,
Потом светил полярный зори,
А я харчо хотел обед.
Потом запрятался в подвале,
Чтоб даже кошка не нашёл,
Потом прощался с тётя Вали
И сразу на вокзал пошёл.
Полярный звёздочка светился
На мой несчастный голова,
Вот так я Мурманск очутился,
Какой здесь может быть слова...